

Yes, there are two paths you can go by.

But in the long run, there's still time to change the road you're on.

And it makes me wonder

- Led Zeppelin -

У него болело везде. Дело было не в физических ранах: пара сломанных ребер, порезы и ушибы – одна довольно глубокая рана на пояснице, кровоточащая по всей глубине. Правда в том, что он легко отделался, и он это знал. Потому что это была Амара, и она не могла причинить ему боль больше, чем он мог причинить ей.

Нет, это была не настоящая боль. Истинная боль была глубже, чем разорванная кожа, мышцы или кости. Она была в его душе, в том, что от нее осталось после стольких лет. Само его существо страдало.

Сэм был мертв. Он был уверен в этом. Парень слишком долго не двигался, и количество крови, скопившейся под ним, было ужасающим. Он лежал к нему спиной, на боку, с головой, неловко повернутой под углом, чтобы и его тело стало плотиной для растущей красной лужи. Может, так было лучше. Дин не был уверен в том, что смог бы снова пережить взгляд безжизненных глаз Сэма.

Кас тоже был все равно что мертв, если он вообще там еще был. Дин слишком поздно понял, что они отправились на эту самоубийственную миссию без каких-либо доказательств того, что их друг жив. Просто поверив слову долбанного дьявола и Бога, от которого он ожидал меньше, чем от короля Ада. Он ничего не слышал от Каса.... ну, слишком долго. Черт возьми, он должен был, по крайней мере, заставить Люцифера позволить ему всплыть на поверхность, прежде чем все это произошло. Пусть они попросятся или что-то в этом роде. Пусть он спросит Каса, почему. Почему он сказал "да" дьяволу?

Теперь ангел (или ангелы? Боже, он надеялся, что множественное число) корчился на боку, содрогаясь от боли. Трясущиеся пальцы были прижаты к его разорванному животу в попытке остановить поток крови и света, который был чистой Благодатью. Это была проигранная битва, и они оба это знали.

Еще одно увеличение счета на табло с числом погибших друзей и членов семьи (по крайней мере, на этот раз они заберут с собой сукиного сына дьявола).

Потом была Амара. Она тоже проигрывала, он чувствовал это. И он, черт возьми, ненавидел себя за это, но это было частью боли. Она собиралась умереть. Бог собирался убить ее на этот раз, потому что она никогда не позволит ему снова запечатать ее. Боль, которую причиняла эта мысль, не была физической.

Черт возьми, он пошел на это, зная, что она должна умереть. Они пошли на кладбище (и почему это всегда было чертово кладбище?), прекрасно зная, что они собираются уничтожить ее или умереть, пытаясь. И вот они здесь. И это причиняло боль.

"Дин".

Он моргнул, с трудом отводя глаза от Тьмы. Он бы не признался даже сам себе, но это было очень трудно сделать.

Кас уставился на него, полностью голубые глаза, пепельная кожа и капающая кровь. Дин снова моргнул. Он дернулся, пытаясь пошевелиться впервые с тех пор, как ударился о землю достаточно сильно, чтобы сломать ребра. Это был Кас, смотрящий на него. Он не мог сказать, откуда он знал – в любом случае, ему было все равно. Этот отчаянный, печальный, виноватый, тоскующий взгляд был его Кас. Даже Люцифер не смог бы подделать эти глаза.

Извинения, которые Дин видел в этих глазах, причиняли чертову боль. Он хотел сказать ему, что все в порядке (на самом деле это было не так), но он так чертовски устал. Ткань скользила по траве, пока ангел тащился вперед. Он оставлял позади кровь, органы и благодать. Дин хотел сказать ему "остановись".

Какой в этом был смысл?

Продвижение было кропотливым. Ангел медленно приближался к нему ползком на одной руке, держаась другой рукой за живот, когда хватался за землю и траву и тянул себя вперед. Дин знал, что это должно быть мучительно. Его лучший друг только быстрее убивал себя. Это должно что-то значить, должно заставить его что-то почувствовать. Но все онемело.

Когда Кастиэль подполз достаточно близко, Дин протянул руку и сжал запястье ангела. Голубые глаза встретились с его глазами.

"Время", - прохрипел он, дрожа всем телом. "Еще есть время, Дин".

Дин не знал, что он имел в виду. Слова были скрипучими, тяжелыми и пропитанными запахом конца света. Он был почти уверен, что Кас ошибался: у них не осталось времени. Ангел уверен, что нет. Эти глаза, которые, как клялся Дин, когда-то могли заглянуть ему в душу (и, да, Кас ангел, так что они, вероятно, могли), теперь теряли свет, который питал их. Это сияние было слабым, едва заметным. Черт, Дин даже не знал, Кас это или Люцифер удобряет планету.

Ему следовало бы беспокоиться об этом больше, чем он это делал. Он должен был почувствовать.... что-то.

Дин сглотнул, даже когда почувствовал, что Амара собирает силы для еще одного – последнего – удара. Часть его, даже сейчас, стремилась спасти ее. Часть его была зла. Его брат был мертв. Его лучший друг истекал кровью у него на глазах. Его душа болела по женщине, одержимой идеей уничтожить эту чертову вселенную. Остальная часть его просто устала.

"Дин".

Кас снова двигался, на этот раз целеустремленно. В своей настойчивости он оставлял позади больше себя. Дин хотел сказать ему остановиться, иначе ничего не останется. Слова застряли у него в горле, когда он встретился взглядом с ангелом. Это все еще было там (и он не запаниковал от внезапной мысли, что этого может и не быть). В этих глазах все еще была боль и неправильность, с которыми Кас жил на протяжении... ну, уже многих лет.

Только теперь было кое-что еще. В нем была решимость – свирепость, – которую Дин не видел со времен апокалипсиса. Стиснув зубы, Кас пополз на своем разорванном животе. Его рука медленно поднималась вверх по руке Дина с каждым болезненным движением, пока пальцы наконец-то не коснулись краев шрама, который так и не исчез.

Что-то - и Дин даже не знал, как описать это, ярко - вспыхнуло во всем его существе, и он ухватился за это. Это затопило все, чем он был, до краев, и каждый дюйм его тела напрягся от неожиданности. Это было не больно, на самом деле. Просто этого было так много.

Он скорее почувствовал, чем услышал паузу в бою. Замешательство Амары и тишина остановленных клинков были чем-то далеким. Рука Кастиэля нашла свою цель, и мир Дина сузился до этой ладони на его руке, их глубокой связи и этих голубых глаз.

"Кас?"

Это прозвучало и как молитва, и как богохульство. Шепот и крик, задыхающийся и резкий, все на одном дыхании. Он вообще все это сказал, или ему только показалось? Дин был таким же опустошенным, таким же оцепенелым, каким был секунду назад, и все же сейчас он был чертовски переполнен.

То, что от него осталось, что не исчезло в этой сверкающей белой сверхновой, формирующейся в его груди, уже давало задний ход. Он ни за что не собирался тратить свои последние мгновения на чертову мысленную переписку с Ангелом Господним. Ни за что на свете.

Когда всепоглощающее тепло вспыхнуло огнем, Дин обнаружил, что его больше не волнует, что его мужество превратилось в радужные искорки, потому что, черт возьми, Кас!

Глаза ангела светились решимостью, только Праведник, и это было единственное, что он мог видеть. Они светились бледно-голубым светом жизненной силы Кастиэля: всей той, что у него осталась. Его кожа была подсвечена скрытым белым светом. Свет струился из-под стиснутых зубов. В этом был какой-то план; Дин смог разглядеть его в этих глазах, прежде чем они перестал их видеть из-за яркого света.

"Аве Мария", последний акт хреновой пьесы, и Дин сразу понял, что финал ему не понравится.

"Удачи, Дин".

Пальцы прижались к его лбу, размазывая кровь, запекшуюся плоть и благодать. Они оставили зияющее туловище без присмотра, открытым, проливающим жидкий свет на могилу внизу. Дину хотелось закричать, сказать ему остановиться, спросить почему, о чем он думал, что он делал-

Кто-то - женщина - закричал. Его затопил жар, и это было слишком сильно, а потом он тоже закричал. Хватка на его руке была чертовски пронзительной, и, Господи Иисусе, Кас, должно быть, пытается проникнуть во все его существо одним чертовым отпечатком ладони. Мир вращался и деформировался, а его желудок был где-то у горла и, возможно, выворачивался наизнанку, и, черт возьми, он собирался умереть.

А потом была только темнота.

<http://tl.rulate.ru/book/103396/3587082>